

НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ

ЭТО НАША ПРОФЕССИЯ

Е. Евгиниев — Глухари. «Два цвета».

А. Матков — Александр Адуев. «Обыкновенные истории».

НАМ ПОКАЗАЛОСЬ, что интересный материал для статьи «На сцене и на экране можно было бы найти в московском театре «Современник». В самом деле, едва ли не каждый актер «Современника» регулярно появлялся на экране в течение нескольких последних лет. Но договориться о встрече и побеседовать с каждым актером а отдельно — показало нам неразрешимой задачей: ведь большинство из них занято на репетициях и на спектаклях, и на съемках. Мы попросили помощи у работников театра. Нам пригласили на репетицию «Чайки», и в перерыва, когда актеры спустились со сцены, мы получили возможность задать несколько вопросов всем сразу.

Сначала разговор шел немного не в соросе.

— Возникают ли какие-нибудь проблемы для театрального актера, приходящего сниматься в кино?

Безусловно, — отвечает нам Евгений Евгиниев. — И самые серьезные. Например, отсутствие ли тебе на съемки из театра. И если нет, то как из нормального рабочего дня в театре вырвать еще один день — съемочный.

— Что вам дает работа в кино?

Моя работа в кино дает мне очень много. — Анастасия Вертинская говорит это очень серьезно, и мы радуемся, что разговор начинается — солидный. — Например, популярность, которая помогает во время летнего отпуска досдать билет на самолет.

— Мне больше всего нравится то, что в день премьеры фильма можно опоздать или вовсе не прийти в театр, а с жаром говорить Дикю Талызина. — А если премьеры в театре, то наоборот.

— Нет, как хотите, — вступает в разговор Андрей Матков, — а мне

в кино нравится то, что я могу одновременно играть и сидеть в зале, восторгаться своей игрой.

— Да, в театре много хуже, — грустно соглашается Валентин Никулин. — Ты работаешь, а восторгаются другие.

Мы начинаем уже сомневаться в успехе нашего интервью. Но тут появляется Михаил Козаков.

— Два слова на тему: актер в театре и кино.

— Пожалуй, — говорит Козаков, — Абсолютно разные профессии. Считаю кино чисто режиссерским искусством. Роль актера подсобная. Даже в самом «режиссерском» театре актер значит много больше, чем в кино.

— Но разве только одного режиссера заслуга в том, как Матков сыграл Алешу Нарышкина или Никулин — Смердяка?

Козаков: — Мы же не знаем, как они сыграли бы эти роли в театре! Возьмите театр, в котором теорит могучая режиссерская индивидуальность. Пусть даже, как мы говорим, вы получите актера. Но рано или поздно наступит момент, когда от воли режиссера ничего не зависи, когда в непосредственную связь с воспринимющей волей зрителя приходит творческая воля актера. Это момент творчества. В кино же невозможно. Режиссер — делает единый эмоциональный кусок, родит из разных кусков, по своей воле отсекает то, что кажется ему невыразительным. При этом один режиссер больше точно монтирует куски «хорошей и плохой» игры, другой — менее точно. Актер же здесь — только материал для настроения фильма.

Евгиниев: — Мне кажется, что опыт и спойонисте, приходящие с пятим, десятим фильмом, дают ощущение змения. И тогда, честно говоря, большая разница между работой в театре и кино нет. Конечно, если смотреть со стороны, разница большая. Но как актер во время работы в ее не ощущаю. На съемочной площадке я не становлюсь другим Евстиниевым...

Козаков: — Но разве на съемочной площадке есть то, что называется «чуждом театра», общением зрителя с живым актером, который теорит вот сейчас, на глазах? Ведь именно этот момент защитники театра выставляют как главный довод в споре с защитниками кино.

Евгиниев: — По-моему, «чуждое театру» и здесь есть. Может быть, и другое замечали, что наиболее удачная сцена получается тогда, когда на съемочной площадке возникает то самое «чуждое театру», то есть, кобонь со зрителем. В драматическом театре эти живые члены съемочной группы: гримеры, осветители, помощники оператора и режиссера, рабочие на площадке. Неужели, много их или мало. Воиню, что основной актерский ансамбль, то, что называется «контакт»: роли актера с волей зрителя, присутствующего. А это есть театр. Принципиально. Согласен!

Козаков: — Да, пожалуй.

Щербинский: — А по-моему, нет. На только результат, но и процесс актерской работы в кино совсем другой. Когда работаешь роль в театре, играешь ее на глазах зрителя, словно идешь по какой-то дороге. В начале пути настроение одно, в середине — другое, а в конце — третье. Роль развивается, и зритель видит это, участвует в процессе и нередко помогает актеру играть. В кино требуется абсолютное усилие, а самую главную актерскую заботу — о соответствии всех кусков роли единому замыслу — я передаю режиссеру. Вот почему среди нас нередко

Говорят актеры театра

«Современник»

слышны разговоры: снимался в кино, а что играл — не понял.

— А как вы относитесь к тому, что в кино часто снимаются — и успешно — непрофессиональные актеры? О чем это свидетельствует?

Вертинская: — Я не понимаю, почему, если в кино успешно снялся неактер, пишу, что он сыграл «лучшего актера» и делает выводы, что в кино должны сниматься непрофессионалы. Просто этот неактер — человек, актерски одаренный. Недаром ведь, как правило, режиссер подолгу ищет таких людей...

Матков: — Я бы сказал так: сняться в кино может любой, но чтобы сниматься в кино, нужно быть актером. Причем, в театре актер рождается, накапливает творческий опыт, развивает актерскую индивидуальность, а кино — это, скорее, использование уже накопленного в театре. Сама специфика кино требует немедленного «издания». Пополнять же запасы «актерских сил» возможно, на мой взгляд, только в театре. Знаю это по своему опыту.

Никулин: — А я не разделяю эти две сферы моей работы. Бывает, что в театре долгое время тебе не попадаются интересные роли, тогда приглашение в кино помогает избежать творческого затора.

Вертинская: — А разве не интересны встречи с новыми партнерами, с различными режиссерскими методами работы?

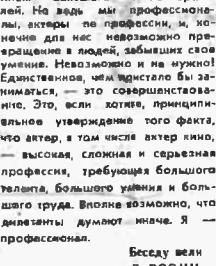
— Еще один вопрос, последний. Зритель поглощает огромное количество эстетических и зарплатных и материальных. Не становится ли он самым ужасным

В. Сергачев — Министр нежных чувств и М. Козаков — Камергер. «Голый король».

кушанным в поимании приема актерской игры?

Евгиниев: — Как зритель, я всегда предпочту талантливого человека бездарному, будь даже первый из нихом с азам профессии, а второй изощрен и с высшей математикой во. Здесь спора нет. Но в том, что вы спрашиваете теперь, все же есть некий нюанс. Постараюсь ответить на ваш вопрос. Массовое производство фильмов ведет, конечно, к тому, что девалящая актерской профессии и к тому, что поверхностное знакомство с тем, что вы называете приемами актерской игры, становится достоянием большого, миста зрителей. Но ведь мы профессионалы, актеры — не профессия, и, конечно для нас невозможно превращение в людей, забывших свое умение. Невозможно и на мучной Единственом, чем видится бы заниматься, — это совершенствование. Это, если хотите, принципиальное утверждение того факта, что актер, в том числе актер кино, — высокая, сложная и серьезная профессия, требующая большого таланта, большого умения и большого труда. Вполне возможно, что дилетанты думают иначе. Я — профессионал.

Беседу вел Д. РОДИН. А. ЧЕРЕМЫШИНОВ.

О. Табаков — Заб. бубеном. «Секда в продаже».

А. Вертинская — Милана. «Мостар».

СОВЕТСКОЕ КИНО
Г. МОСКВА

11 НОЯБРЯ